

Один день после конца света

Повесть

18+

Андрей Канев

Андрей Канев
Один день после конца света

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68371516

SelfPub; 2022

Аннотация

Один день из жизни людей, которые превратили фантастику в историю. Один день истории, которую некому будет помнить. Один день новорожденного будущего, которое пока еще остается фантастикой. Но крики его уже слышны в вечерних новостях.

Содержание

Пролог	4
1	6
2	16
3	31
4	44
5	50
6	59
7	63
8	69
9	76

Андрей Канев

Один день после конца света

Пролог

Ритмичная тишина, наматываемая на барабан вечности. Шум механизмов, гул насосов и генераторов, с тупой настойчивостью выполняющих свою работу делает это безмолвие еще более выраженным. Абсолютная темнота. Капля воды, срывающаяся вниз и сыто булькающая в момент приземления. В темноте проступают сплетения разнокалиберных труб, мерцающие круглые лица манометров и линии идущих неведомо куда проводов. В мерцающих сумерках, нарезанных на мерные, одинаковые части звуком падающей водяной капли вдруг раздается резкий, тошнотворный скрип, как будто давно не смазанную железную дверь в ад решили наконец-то открыть.

Высоко под потолком медленно разгораются редкие прямоугольные плафоны аварийного освещения, дающие едва заметный, красноватый свет, от которого темнота вокруг кажется только гуще и непроглядней. Морщинистые, в коричневых шелушащихся пятнах руки медленно и натужно вра-

щают огромный, заржавленный вентиль. Стрелка на одном из манометров вздрагивает и, дрожа и подергиваясь, нехотя ползет вверх. Тишина сменяется приглушенным и шелестящим шумом бегущей по трубам воды, шипением пара и бульканьем попавшего в систему воздуха.

Когда лампы наливаются ровным, малиновым светом, становится видно лицо вращающего вентиль старика. Воспаленные глаза, резко выступающие скулы, натянутая кожа в таких же, как и на руках, темных воспаленных пятнах. На голове его бледно-зеленая шапка, сооруженная из непонятного тряпья и надвинутая на самые уши. Из рта старика вырывается пар, он натужно дышит и прислушивается к звукам несущейся по трубам воды, при этом с беспокойством поглядывая на круглый датчик температуры. Стрелка не двигается. Тогда он осторожно постукивает по стеклу датчика неровным, обгрызенным ногтем и стрелка, вздрогнув, сдвигается на несколько делений. Удовлетворенный старик поворачивается и уходит из пятна тусклого красноватого света, растворяясь в темноте.

1

Когда многократно отраженный эхом скрип металла медленно затихает, в отсеках появляются новые, едва слышимые звуки. Вздохи, шуршание, сдавленный стон, наконец глухой и резко оборвавшийся кашель. Копыщающаяся тишина населена людьми и серые тени приходят в движение, вслед за тишиной прогоняя и темноту. На одной из боковых коек лежит человек, укутанный несколькими слоями какого-то тряпья, сверху всю эту гору венчает длинная и черная как саван морская шинель, на которой не хватает большей части пуговиц.

Человек резко, как будто по команде, открывает глаза. Несколько секунд он, не меняя положения, всматривается и не видит, уставившись прямо перед собой, но понятно, что смотрит он лишь в темноту и проснулся только благодаря выработанной за годы привычке. Привычке просыпаться точно за несколько минут до подъема, не раньше, но и не позже.

Пискнув, включился невидимый в приглушенных розовых сумерках громкоговоритель, из которого, потрескивая, стали изливаться торжественные звуки гимна России.

Проходит еще несколько секунд и под потолком, перемигиваясь, загорается нестройный ряд белых потолочных ламп, сменяя красное аварийное освещение. Это длинные люминесцентные колбы, с пожелтевшими плафонами из пластика, как в старом рейсовом автобусе. Разгораются они тяжело,

мигая и постепенно наливаясь желтым болезненным светом – напряжения явно не хватает. Одна из ламп трепещет, как будто в нее попал заблудившийся мотылек и, издав напоследок негромкий хлопок, гаснет, так и не успев разгореться по-настоящему.

– Еще одна, – негромко говорит кто-то сухим с утра голосом, как бы ни к кому не обращаясь.

Человек, все также лежащий на койке, закрывает глаза и изо всех сил сжимает веки. Он старается то ли уснуть снова, то ли надеется на то, что, вновь открыв их, окажется где-нибудь в другом месте. Но это не срабатывает.

Он снова открывает глаза и выбирается с койки, внимательно осматриваясь и проверяя, все ли соседи встали и не остался ли кто-либо неподвижно лежать на своем месте.

– Что, Широков, сегодня опять стихи читать будешь? – раздражающе бодрым голосом спрашивает тот же голос, который констатировал преждевременную смерть лампы.

Широков, не вполне проснувшись, или, скорее, все еще не желая до конца просыпаться, непонимающе смотрит на собеседника. Худой, украшенный седой спутанной бородой старик, натягивая бледно зеленую шерстяную шапочку, поясняет: – Опять забыл?! Сегодня же политинформация. Твоя очередь, Борисыч.

Широков опять на секунду закрывает глаза, чтобы не видеть эту ухмыляющуюся рожу. Последняя попытка прочитать вместо политинформации пусть и идейно выдержанные,

но стихи, случилась с ним более трёх лет назад. Но вспоминают об этом все до сих пор, вызывая в нем лишь непреходящее, как местная погода, чувство стыда. Но уже не за стихи, а за сам факт этой бесконечно затянувшейся шутки, от длительного повторения превратившейся в еще один вид еженедельного наказания. И ведь они до сих пор считают это смешным.

Вяло переругиваясь, в отсеке появляются все новые и новые люди, тут же выстраиваясь в живую очередь по направлению к галюну. Галюн один, а людей все еще много, и каждый старается занять очередь пораньше, чтобы получить свои законные несколько минут утреннего одиночества. Именно одиночество цениться здесь более всего, и в погоне за ним усталые, озлобленные и раздраженные люди были готовы идти на все что угодно. Но на подводной лодке, пусть и такой большой, укрываться негде. Куда же деться с подводной лодки? Шутка, как и весь подобный юмор, была за двадцать лет затерта до дыр и давно потеряла свой изначальный смысл.

В отсеке начиналась шутивая перепалка, традиционное утреннее развлечение. Когда очередной счастливчик скрылся за дверью галюна, в надежде побыть одному хотя бы на время отправления естественных надобностей, очередь тут же начинала волноваться. По истечении одной минуты ближайший к двери и соответственно первый в очереди начинал:

– Ну харе уже его дергать, дай и другим опрaвиться!

Сдержанные смешки.

Широков не спеша извлек из-под матраца тонкую, давно пожелтевшую тряпицу и, перебросив ее через плечо, встал в очередь. Перед ним маячила широкая спина механика, в затертом и лоснящемся кителе, с огромными заплатами на локтях. Вся одежда выглядела чистой, но все же давно выцветшей и заношенной до последней степени.

Механик поворачивается и кивает Широкову. Тот отвечает таким же сдержанным кивком. Механик бросает быстрый взгляд на плечо Широкова и суженые поутру веки его мгновенно распахиваются от ужаса.

– Боря, опять?! – шипит он негромко, впиваясь в него взглядом.

– Что?

– Полотенце, – сквозь зубы, чтобы не услышали стоящие в очереди соседи, быстро бросает механик.

– Черт... – досадует Широков и, осторожно оглянувшись назад, быстро перебрасывает полотенце с левого плеча на правое. Сзади пока никого не было и, похоже, этот маневр остался незамеченным для посторонних.

– Ты, Борька, таки доиграешься, – все еще дергаясь говорит стоящий вполоборота механик, разглядывая извивающуюся человеческую змею впереди. – Уж и краб на твоей пилотке запомнил бы. Кстати, где она? А ты каждое утро как будто с другой планеты возвращаешься...

– Не ворчи, Саша, – примирительно говорит Широков, шлепая себя по карманам в поисках пилотки. И тут же добавляет негромко: – Спасибо.

– Спасибо... – бормочет механик и, уже не в силах остановиться, продолжает нравоучения. – Вот стукану старпому, что ты левак, будешь три недели охотникам портки стирать. Или еще чего похуже...

– Чего уже хуже...

– Чего – чего... – продолжает механик. – Вот ходят слухи, что капитану Юрка-то, поднадоел уже...

– Не удивительно, – реагирует, улыбаясь, Широков.

– А ты не ухмыляйся, – снова раздражается механик. – На кой нам спрашивается, радист, если радио больше нет?

– А на кой нам механик, если мы больше никуда не идем? Если мы здесь как старый тапок в промерзшей луже?! Если мы...

– Да тише ты, – шикает механик, затравленно оглядываясь по сторонам и кивает куда-то за плечо Широкова. Тот, повернувшись, видит, что за ним уже встали несколько человек. Впрочем, к их разговору они не прислушиваются, тихонько переговариваясь о чем-то своем.

– Ты, Боря, – уже спокойнее говорит механик, – метлу-то, привяжи. Сам знаешь – Юрку, ты, может, и не заменишь, но последнего медведя мы, когда ели?

– Не помню, – честно отвечает Широков.

– Вот-вот, – наставительно поднимает палец механик. – И

я вот не помню.

– Да ладно тебе. Я же все-таки не только радист. Я еще и пилот. Без меня точно никаких медведей не будет.

Со стороны галюна вдруг доносится восторженный возглас: – Товарищи, да у него стоит?! Чем мажешь, Вовка?!

Взрыв хохота.

– Не скажи, не скажи, – качает головой механик, продолжая прерванный разговор. – Толку-то от твоей тарактелки? Самое главное на охоте что? На охоте главное приманка. А летать ты можешь хоть до второго пришествия, медведь на жужжание твоей керосинки не придет. Медведь придет только на приманку. На хорошую приманку, с запахом.

– Мы тут все с запахом, – буркнул Широков.

– Ты пошути, пошути, – снова ворчит механик. – Я тебе серьезно говорю. Команда-то, того... Ропщет.

– Что-что? – недослышал Широков.

– Ропщет. Недовольны, значит, – вздыхает механик.

– Да? – деланно удивляется Широков. – С чего бы это вдруг? Может, потому что полмира грохнули? Совесть, может быть, у них проснулась? Не спят они, может, по ночам, а?

– Ну тебя, ей-богу... – отмахивается механик. – Невозможно с тобой по утрам разговаривать. Всё одно и то же.

– А сам ты что, так не думаешь? – наседали Борис.

– Мало ли что я думаю, – нехотя отвечает механик. – Может ты и прав. А может и нет. Я таки думаю, что прав Капитан – нельзя нам было по-другому. Нельзя. Мы же здесь не

на прогулку вышли, мы служим. Служим, понимаешь?

– Понимаю, – соглашается Широков. – Но вот левые-то свой боекомплект не выстреляли. А тоже ведь, служат...

– Да задолбал ты со своими левыми, – взрывается наконец механик. – Ты плохо кончишь Боря, точно тебе говорю. Мы приказ выполнили, как и полагается. А они – нет. Значит что? Значит сволочи и предатели. И хватит об этом.

Очередь медленно, но все же продвигалась вперед. Из отсека в отсек, мимо закрытых и открытых кают, разделенных переборками с круглыми, настезь распахнутыми люками. Потопа здесь уже давно никто не ждет. Он, как и второе пришествие, давно наступил и также давно уже остался в прошлом. Так давно, что и сам потоп, как и его причины, многие сумели забыть.

– Ты давно был наверху? – спросил вдруг Широков.

– Где, где? – удивленно поднял брови механик.

– Ну, наверху, – показал пальцем на потолок Широков. – Снаружи, я имею в виду.

– Наверху... снаружи... – перекачивал во рту, казалось, непривычные слова механик. – Не помню, Боря. А что мне там делать? Вот ты сказал сейчас, а я и не знаю, что это такое, наверху. Наверху, внизу – какая разница? Нет там ничего, Борька. Ты же сам знаешь... Нет ни людей, ни зверей, ни медведей – ничего этого нет уже много лет. Машины там точно нет, что же мне там делать?

– Двигателя здесь тоже теперь нет, – возразил Широков.

– Неправда, двигатель есть.

– Ну ладно, есть, – согласился Широков. – Ну а дальше то что? Двигатель есть, да двигаться-то некуда.

– Нет возможности, – снова наставительно продемонстрировал тонкий палец механик. Он вообще любил точность формулировок, а еще он очень любил наставлять.

– Нет возможности, – насмешливо произнес Широков. – А что, была бы возможность, мы бы куда-то могли двигаться, Саша? Куда? Туда, куда выстреляли до этого весь боекомплект?

– Нет, – возразил рассудительный механик, – не туда. Туда нам не нужно. Нам нужно вернуться на базу. Так гласит инструкция.

Он снова поднял палец и тусклые глаза его вдруг блеснули, как будто он снова стоял на палубе, а за горизонтом уже виднелись сопки за Мурманском. Само слово «инструкция» он произнес так, как будто речь шла о Библии. Худой, в бледном залатанном кителе, с бородой и полотенцем на правом плече он стал вдруг невыносимо похож на почтенного суфия, присматривающего место, где бы ловчее бухнуться на колени. Широков подумал, что будь полотенце обмотано вокруг его головы, а не лежало на плече, сходство было бы полным.

– Инструкция... – насмешливо сказал Широков. – Из-за вашей инструкции мы...

– Остановись, Борис, – строго сказал механик, уже тыча своим длинным пальцем прямо в грудь Широкову. – Ты зна-

ешь, я тебе друг, но – остановись. Ты можешь думать все что угодно, но здесь я полностью согласен с нашим товарищем Правым Капитаном. Только из-за этой инструкции мы до сих пор и живы. Если бы не инструкция, мы давно уже перегрызли друг другу глотки, передохли от голода или, что очень даже вероятно и наиболее правдоподобно, просто сожрали бы друг друга. Как крысы, запертые в банке. Большой железной банке, забытой всеми в самом начале нового ледникового периода. И не надо мне здесь рассказывать о левых – я прекрасно помню, чем закончилась наша последняя встреча. Сам помогал переходы заваривать. Не нужно так думать, Борис. Мы – правы, потому что мы Правые. Мы честно выполнили приказ, мы исполнили свой долг. Повторяю, мы ведь не на прогулке. Мы на боевом задании. Мы присягу давали. А они... – он сжал кулаки, – они, Боря, предали нас. И давай закончим этот разговор, пожалуйста. Вон и очередь подходит. Вот всегда ты с утра начинаешь, а я потом целый день успокоиться не могу.

– А ты бы смог, Саша? – спросил Широков.

– Что? – устало и явно не понимая, переспросил механик. – А... Не знаю я, Борь. Честно скажу, тоже об этом думаю. Часто. Чуть не каждую ночь думаю. Но на то у нас и командир был, чтобы мы себе такими вещами голову не ломали.

– А я бы не смог, – честно сказал Широков.

Механик грустно посмотрел на него, снял с плеча по-

лотенце и исчез за дверью гальюна, громко и раздраженно хлопнув ею напоследок перед самым его носом.

2

Широков сидел за столом в просторной, заставленной по периметру застекленными шкафами с книгами и увешанной флагами каюте, лицом к двери. Терпеливо ожидая пока соберется вся команда, конечно, исключая вахтенных, он мрачно разглядывал собравшихся. Время от времени дверь открывалась и вновь прибывшие, автоматически, без лишнего пиетета, сперва суетливо, давно доведенным до автоматизма движением крестились на портрет Государя, висящем прямо над головой Широкова, и только потом занимали свои места. От этого казалось, что эти почести предназначались ему лично, что, возможно, и было изначально задумано неведомым проектировщиком этого Красного уголка.

Борис, чувствуя даже спиной исходящие от портрета сияние, величественно кивал каждому и безучастно разглядывал вошедших. Красный уголок – единственное на корабле место, где еще были целы все потолочные лампы, от этого помещение всегда выглядело светло и торжественно. Тем не менее даже здесь лампы горели вполне накала, от чего на лица людей падал излишне теплый, желтоватый свет, окрашивая их сморщенные, как залежавшиеся в погребе с прошлой осени овощи, лики. Иногда ему казалось, что мигающий свет был сродни трепетанию свечей в храме, а от крестящихся на портрет опоздавших сходство это многократно усиливалось.

Даже если бы он не знал каждого из них, и даже если бы совсем не разобрался в званиях, можно было легко догадаться об их занятиях, так как штатное расписание, подобно радиационному ожогу, давно и навечно отпечаталось на их лицах.

Ближе всех к нему, в первых рядах, расположился давешний механик Саша из БЧ 5 – теперь, при свете, было ясно, что утро он потратил зря – никакое умывание ему уже не поможет. Намертво въевшаяся в кожу масляная пленка придавала ему вид сильно исхудавшего от ревности мавра, а вечная печаль и нездоровый блеск в вечно воспаленных глазах говорили о том, что он так и не смог добраться до шеи своей возлюбленной. Заметив его взгляд, механик чуть заметно улыбнулся. Ничего мол, не дрейфь. Механик был одним из немногих, с кем Широков поддерживал отношения, несколько выходящие за рамки строевого устава.

Чуть поодаль, у закрытого шкафа с макетом их “Акулы”, расположилась сияющая оранжевым и недостижимая элита – абсолютно лысые, худые, безбровые и единственные из всех присутствующих с гладкими чистыми лицами старцы из дивизиона движения. И хотя мы, конечно, никуда не двигались, именно эти небожители отвечали за реакторы и турбины. В своих ярких на фоне потертых тулупов комбинезонах они действительно выглядели как высшая каста – жрецы, обслуживающие дарующее жизнь божество. Сегодня их было даже двое, хотя, как правило, и на такое ответственное

мероприятие чаще всего приходил только один из них. Другой же всегда мог себе позволить какую-нибудь отговорку и проигнорировать это еженедельное собрание, направленное на поднятие боевого духа.

Сразу за жрецами восседал одинокий штурман – вот кому точно нечем было заняться последние двадцать лет. Исходя из того, что лодка давно никуда не двигается, да вообще такое событие уже невозможно в обозримом будущем даже в теории, он является на сегодняшний день самым не занятым человеком на судне. Но капитан сделал его своим первым помощником, и, невзирая на кажущуюся праздность, он обладает огромным и неоспоримым влиянием.

Всякая мелочь, вроде акустиков, электриков, механиков и прочей матросни скромно расположилась у правой стены. Слева, конечно, не сел никто. Попробовал бы хоть кто-то, что ли.

По отсеку носился легкий шелест голосов, сливающийся с привычным фоном тихо гудящей системы вентиляции. У выходных отверстий воздуховода трепетали трещотки из бумаги – боцман, помнится, сначала раскричался, но потом так и оставили, согласившись, что этом имеет определенный смысл. Кажется, придумал кто-то из третьей, минно-торпедной части, подсмотрев похожее решение в одном из древних фильмов. Во-первых, так всегда видно, работает ли вентиляция. А во-вторых, шорох тонких полосок бумаги напоминает шорох ветра в листьях деревьев, что не может не понра-

виться людям, не видевшим деревьев уже много лет. Постепенно такие бумажные листья появились на всей лодке и теперь проходя по отсекам, при небольшом желании и развитии воображения можно было себе представить, что совершаешь неспешную прогулку по осеннему лесу.

Неожиданно из коридора послышались резкие грубые голоса и тут же громогласный, неудержимый и неуправляемый, похожий на неожиданный каменный обвал в горах, хохот. Конечно. Широков брезгливо поморщился, будто позабытый всеми усталый старик, обреченный каждое утро в какой-нибудь богом забытой богадельне надевать одно и тоже влажное, нечистое белье. Охотники. Они же бывшие ракетчики из БЧ-2, с момента выполнения последнего приказа, оставшиеся без своего основного занятия. Вот кто является истинным хозяином положения. Пинком открыв дверь они ввалились все сразу, наполняя помещение шумом, криком, вонью шкур и резким, как утренний свет лампы, запахом свежего пота.

– Ну что приуныли, доходяги?! А где Юрка? Где же ты, радость моя?

– Штурман! Какой курс?

Никто не засмеялся кроме самих же охотников. Но уж они хохотали так, что можно было подумать, будто эту шутку они придумали вчера, а не лет пятнадцать назад. Тем не менее большая часть присутствующих стала покорно улыбаться.

ся, почтительно поддерживая начальственный юмор.

И ничего нельзя с ними поделаться. Бородатые, с гладкими и лоснящимися упитанными рожами, одетые в накидки из облезлых медвежьих шкур и с длинными ножами подводника за поясом, они выглядели просто неприлично, агрессивно живыми среди иссохших, с жидкой и нездоровой растительностью на лице, стариков. И хотя мало кому из присутствующих было больше сорока пяти, выглядели все, конечно, не лучшим образом. Такой себе дом престарелых, вот только вечный холод все никак не идет на пользу и не добавляет им лучшей сохранности.

Все прекрасно знали, что приносят охотники едва ли десятину – остальное уходит капитану и офицерам, в частном порядке, по особым каналам за особые же заслуги, так сказать. Но поди, докажи. Даже думать об этом стало опасно. Поначалу-то было не так – скованные одной уставной цепью все были бедны, но равны, тем не менее. Пусть в разных званиях и из разных БЧ, но все находились, без преувеличения, в одной лодке. Но как-то постепенно, один за другим, стали вдруг возникать “продиктованные военным временем” приказы, медленно разрушающие и подтачивающие устоявшуюся систему, основанную не столько на букве устава, сколько на взаимном уважении и традиционном для моряков взаимопонимании. Причем дело даже не в том, что парторг чуть ли не сразу потребовал себе титул Правого Капитана, хотя Ивана Михайловича, никто кроме как “коман-

диром” или “Михалычем” не называл. Никто и не удивился, ведь парторга, как водится, на судне не особо любили, тем более, что назначен он был к нам аккурат перед этим зло-счастливым походом. И даже не в том, что после бунта в левом корпусе, когда часть команды отказалась нажать кнопку, некоторых не успевших запереться попросту расстреляли. В первые сутки после пуска на лодке ведь такое творилось – упаси Господь. Кормовые рули сломаны, ракетные шахты затоплены, в левом корпусе бунт, а снаружи, через 2 часа после пуска, температура упала до минус ста восьмидесяти. И еще снег. Розовый, желтый, голубоватый, наконец черный. Он шел несколько лет, постепенно меняя цвет и интенсивность, но никогда не прекращаясь совсем. Этим снегом нас всех здесь и засыпало, а от такой температуры вода быстро промерзла на несколько сот метров. Если бы не реактор, которых у нас два и, слава Богу, по одному на каждый корпус, была бы нам всем здесь вечная память.

Возможно, дело здесь было и в растянувшимся до размеров вечности боевом дежурстве. Жить запертым в железной коробке, с одними и теми же рожами два-три месяца сложно, но вполне осуществимо. Но смириться с тем, что эти же рожи будут провожать тебя в последний путь в этой самой коробке, уже достаточно сложно. И ладно бы провожать, а то ведь будут еще и прикладами в спину подталкивать.

А потом у нас начались проблемы с едой. Это, наверное, и стало причиной большей части наскоро состряпанных при-

казов, которые новоиспеченный товарищ Правый Капитан стал штамповать со скоростью вращающегося на полном ходу вала. Офицерам, которые и раньше питались отдельно, был предложен паек специальный, который, понятное дело, был сформирован за счет пайка матросского. У нас ведь тут ананасы не растут, рыба не ловится и самолеты нам на снег тоже ничего не сбросят. Так что любое перераспределение ресурсов происходит по принципу перекладывания из одного кармана в другой, и, конечно, всем сразу объяснили, что не нам по этим карманам шарить. Ну и понеслось. Кому вечная вахта, а кому почет и уважение, а также именное оружие, чтобы за вахтенным этим следить. А потом, когда вдруг обнаружили, что поймать медведя невозможно, а что можно его только приманить...

И звенья ослабли, и постепенно стало ясно, что охотники – не для того, чтобы охотиться за дичью, а для того, чтобы охотиться за нами, как мрачно шутили в трюмах. Но теперь уже и за шутки эти можно было получить трибунал по закону военного времени. А приговор один – на снег, к медведям. В качестве приманки, конечно. Следы ведь встречались все еще довольно часто. Но вот обнаружить самого медведя просто облетая периметр было практически невозможно – слишком мал был радиус, ограниченный емкостью замерзающего аккумулятора. Это Широков знал и понимал намного лучше других. Именно он, после смерти последнего акустика и пилота много лет назад, до сегодняшнего дня отвечал

за их последний беспилотник.

– Все собрались? – спросил штурман.

Широков огляделся, скользя взглядом по крупным белым литерам на груди каждого из присутствующих. Все вроде бы были на месте, пустовало только кресло капитана.

– Все.

– А где капитан? – спросил один из охотников, кивнув на почетное, обитое красным бархатом, кресло в первом ряду, которое сейчас явственно пустовало.

– Капитана нет, – с нескрываемым удивлением ответил Широков.

– Товарищ Широков, – обратился к нему штурман, – вы же знаете правила. Ответственный за проведение политической информации отвечает и за ее посещаемость.

Широков молча поднялся и, провожаемый насмешливыми взглядами охотников, отправился в центральный отсек искать командира. Вообще, случай небывалый, конечно. Обычно капитан приходит первым и, посасывая из высокого граненого стакана нечто секретное, рецепт чего известен одному Юрке, восседает в своем кресле аккуратно напротив портрета Государя.

Деликатно покашливая, Борис остановился перед входом в капитанскую каюту, для чего пришлось пройти чуть не все лодку.

– Товарищ Правый Капитан!

Тишина.

Постукивая костяшками пальцев по окрашенному под дерево пластику, Широков повторил:

– Товарищ Капитан!

Делая паузы между ударами, он прислушивался.

Наконец за дверью послышалось какое-то бормотание и слабый, еле слышимый сквозь неплотно задраенный люк стон.

– Товарищ капитан! – уже громче и настойчивее воззвал Широков.

И тут же с той стороны двери упало что-то тяжелое, стеклянное и с хрустальным звоном разбилось вдребезги. С таким раздробленным на тысячи кусочков звуком могла рухнуть разве что люстра в Большом театре.

– Ёб твою мать, – донесся из-за двери удивительно ясный и четкий голос.

В ту же секунду дверь открылась и оттуда, не останавливаясь и не поднимая глаз, серым полосатым котом выскользнул Юрка, босой и в тельняшке навыпуск.

– Товарищ Правый капитан...

– Дверь закрой. Сейчас буду, – сказал тот же четкий, уверенный голос.

Широков аккуратно прикрыл дверь, но ушел не сразу. Закрывая ее он, конечно, ничего нового не увидел – ни худые, все в мелкой седой поросли ноги командира в одних портках, ни следы пиршества на неубранном столе его удивить не могли. Но вот запах...

Он еще раз, проверяя себя, потянул носом воздух. Ну где, где же он его берет? Ведь спирт. Точно, пахло спиртным. И хотя этот резкий, холодный и освежающий, как морозное утро, аромат он не ощущал уже очень давно, не узнать его было невозможно. Запах этот до него доносился очень редко, сам же продукт добирался и того реже. В последний раз, кажется, месяца три назад, когда одному из охотников, Мише, вдруг приспичило в очередной раз перемонтировать вечную, уже сильно утомленную солнцем нашего внимания, Надю. Но никаких других фильмов, помимо военно-патриотических, выдержанных, кажется, еще в традициях слоноподобного советского кино, у нас попросту нет. С этой задачей мог справиться только он. И то, только благодаря хорошо спрятанному экземпляру вражеской техники. Поначалу Миша стучал по столу волосатым кулаком, страшал автоматом и даже грозился написать донос капитану. Но в кои-то веки Широков уперся как якорь в песок, итогом чего стал честно заработанный стакан удивительно прозрачной, но сильно отдающей ацетоном, жидкости. Жидкость была употреблена тут же – во-первых, очень уж хотелось попробовать, а во-вторых, дабы не создавать излишних соблазнов для набычавшегося от такой необыкновенной наглости Миши.

Широков еще немного постоял под дверью, и, сделав напоследок несколько глубоких вдохов, ушел прочь.

Вскоре за дверью послышались уверенные шаги, Широков даже не успел прочитать на букву «М» маленький рус-

ско-английский карманный словарь, который всегда носил с собой. К этому тоже все давно привыкли, как и к вечным шуткам на эту тему. Особо эта книжица раздражала боцмана. Тот любил, несмотря на предупреждающую табличку на дверях девятнадцатого отсека, ввалиться в радиорубку без стука и громко, чтобы слышали вахтенные, вопрошал:

– Товарищ Широков! П-а-а-чч-чему у вас замечена книга на языке предполагаемого противника?

– Изучаю исчезающие языки, товарищ боцман! – неизменно отвечал Широков, пуча глаза и выражая тем самым самое искреннее служебное рвение.

Наконец дверь открылась, и в Красный уголок вошел капитан. Седые космы были смочены водой и гладко прилизаны, походка же была четкой и твердой, так что никак нельзя было и предположить, что этот же человек всего несколько минут назад валялся в постели в полнейшем дезабилье. Сейчас, когда он остановился под портретом Государя, было ясно, чей пример согревал его особистскую душу все эти годы. А фирменную улыбочку, одними уголками губ, прямо под рыбьим безжизненным взглядом, он, кажется, репетировал специально.

Небрежно перекрестившись, капитан прошел к своему, крайнему справа креслу, присел, и, включив маленькую, встроенную прямо в спинку кресла лампу, величественно кивнул.

Можно было начинать.

Широков бросил взгляд на лежащую перед ним газету, которая была прижата к столу толстым листом стекла. Поднимали стекло и переворачивали газету один раз в месяц, а всего газет было шесть. Еще в распоряжении лектора были несколько радиogramм, полученных двадцать лет назад, непосредственно перед Приказом. Но их моряки не любили слушать. В них уже отсутствовала та успокаивающая душу торжественность, которая в изобилии покрывала газетный лист. В радиogramмах была лишь скрепленная ненавистью, как клеем, лаконичная нервозность, предвещающая Приказ.

Широков налил себе из стоящего на столе графина воды и промочил горло. Вода, конечно, была двойной дистилляции из опреснителя. Она была давно знакома, не могла удивить, не имела ни вкуса, ни запаха, ни цвета, но прекрасно выполняла свою функцию. Совсем как лежащий перед ним на столе текст, с крупным, зловеще черным заголовком «Хотят ли русские войны?».

– Товарищи! – стал читать Борис. – Вчера наш Государь и верховный главнокомандующий миротворческих сил покинул заседание генеральной ассамблеи ООН, возмущенный афронтом западных стран и представителей Европейского союза. Долгие годы наша политика сдерживания и стремление к справедливому многополярному миру вызывали открытое противодействие со стороны этих лицемерных политиканов. Наша страна проводила и проводит последовательную политику открытых и дружеских отношений с наши-

ми партнерами. Как и всегда, мы сохраняем приверженность идеям гуманизма, свободы и равенства. И возрождение коммунистической партии, как и последующее восстановление нашей великой страны, тому пример и наилучшее доказательство. Всенародный открытый референдум, проведенный в полном соответствии международным правилам и при участии иностранных наблюдателей однозначно продемонстрировал стремление нашего народа к социалистическим идеям и принципам. Нерушимое братство народов, заложенное в основу нашими предками, не дает нам права идти на поводу у недалёковидных политиков, руководствующихся исключительно капиталистическими принципами сиюминутной выгоды и наживы. Теперь, когда и мы, и наши китайские товарищи наглядно продемонстрировали всему миру преимущества социалистического устройства, споры о наилучшем пути для реализации потребностей и стремлений как народа, так и каждого отдельного человека, можно считать излишними. В то же время, предельно ясно и однозначно западный мир продемонстрировал свою беспомощность, когда путем ограничений, всевозможных санкций и тому подобных костылей, противных всякому цивилизованному человеку, попытался навязать свою волю и установить новый мировой порядок. Мы неоднократно заявляли и будем последовательно повторять, что это неприемлемо для нашей страны. Речь Государя, которую вы могли читать в предыдущем номере нашей газеты, произвела на заседании ассамблеи неиз-

гладимое впечатление на всех без исключения присутствующих. Наш лидер, которому российский народ в очередной раз выразил единодушную поддержку, отстаивал и отстаивает интересы простого народа. Стремление нашего народа к свободе не может не вызвать зависть со стороны западного мира, погрязшего в бесконечной и бессмысленной борьбе за обогащение отдельно взятых корпораций. Государь неоднократно указывал представителям этого противного нам мира, что так называемая “демократия” окончательно продемонстрировала свою несостоятельность, когда хваленые западные ценности оказались, перед лицом настоящей опасности, пустым звуком и профанацией. Совершенно ясно, что западный мир, изначально построенный на, чуждом настоящему русскому человеку, желании личного обогащения и превосходства, был давно обречен. И именно мы, русские люди, как и было предначертано, должны были остановить это медленное, но неуклонное сползание человечества в бездонную пропасть. Только наш народ, всегда готовый бескорыстно помочь пробуждающимся странам, которые эти заигравшиеся в спасителей человечества деятели нещадно эксплуатировали на протяжении десятков если не сотен лет, способен предложить новое видение. Предложить заблудшим и погрязшим во всех мыслимых пороках заложникам капитала новую, настоящую жизнь. Жизнь, способную приносить человеку радость не только от удовлетворения его личных, примитивных интересов, но и высшее наслаждение,

возможное только при общественной, бескорыстной работе, направленной на достижение всеобщего блага...

Борис остановился и, плеснув себе воды, поднял глаза и оглядел это самое общество, лениво почесывающееся, меняющее сигареты на еду, а на галерке, судя по глухому постукиванию, преспокойно играющее в домино.

– Дальше давай, – сказал, зевнув боцман и посмотрел на часы.

Пожав плечами, Широков выпил воду и продолжил:

– Небывалый расцвет нашей страны, конечно, не мог оставить равнодушными наших западных партнеров. Несмотря на неоднократно обсуждаемые планы совместных действий, результатом которых должно было бы стать реальное улучшение положения этих угнетаемых, вечно находящихся в унижительном положении развивающихся, стран. Но в ответ на наши искренние, конкретные и направленные на развитие этих стран старания мы неизменно получали лишь отговорки, недоверие, а часто и прямое саботирование наших инициатив. Без сомнения, одна из лучших когда-либо произнесенных в стенах комитета речей нашего лидера должна была...

– Товарищ Широков! – появилась в дверях всклокоченная борода вахтенного. – Внешняя антенна не работает. Все пробовали, нет связи. Придется наверх вам, Борис Борисович.

3

– Ну что, пошли? – спросил Щукин, стоя у кормового аварийного люка. Он нетерпеливо постукивал по поручням ожидая Широкова, который в сотый раз проверял сумку с инструментом.

– Ну что вы все копаетесь, Борис Борисович? Вы же сами ее вчера и складывали.

– Все равно, – ответил Широков, закрывая сумку. – Если забудешь что-нибудь, топай тогда снова. Я один раз тестер в отсеке оставил, так второй раз еле-еле наверх залез. Сил нет у меня по два раза туда-сюда бегать.

Когда-то румяный и молодой матрос Щукин давно превратился в иссушенного, но все еще бодрого старикана, хотя ему еще и сорока не было. Вся его жизнь была разделена пополам – до и после Приказа. Окончив училище, он сразу же попал в автономку. А то, что автономка растянулась вместо положенных 120 суток на двадцать лет, – не его вина, конечно. Хотя, если хорошенько подумать, то чья же тогда?

– Пошли, – перекинул Широков сумку через плечо и полез по лестнице вверх. Сзади сопел Щукин. Лаз был узким, тесным и неудобным. Освещения здесь не было совсем, лишь в самомверху, у выхода, горела одинокая лампочка.

– Свет в конце тоннеля... – слышалось снизу ворчание.

– Что?

– А вот бы, Борисыч, центральный пост починить, а? И выходили бы мы, тогда как шейх из Хилтона.

– Ага. А еще растопить полмиллиона кубов льда и домой, к мамке.

– Да нет, – рассмеялся Щукин. – Это вряд ли, я понимаю. Но пост-то можно попробовать?

– Опять ты за свое, Щукин. Ну сколько можно? Иди, почини. Он титановый, понимаешь? Титановый, дурья твоя башка. Нечем нам его чинить. Да и пробовали уже. Много раз пробовали.

– И че?

– А ниче, – Широков остановился и, упершись спиной в стену тоннеля, перебросил сумку на другое плечо. – Переходы сломались как спички. Весь центральный, когда мы на всплытии лед ломали, опустился на метра полтора вниз, поэтому переходы сместились. Ну и сломались.

– А правда, что капитан там остался? – тихо спросил Щукин.

– Ты уже спрашивал, – недовольно ответил Широков. – Только ты бы не болтал об этом особо. Не любят у нас за это говорить. У нас теперь один капитан. Товарищ Правый Капитан. А других нет и никогда не было. Усвоил?

– Конечно, товарищ нач. БЧ!

– Так-то. Помоги-ка лучше.

Широков, придерживая сумку с инструментом, начал открывать люк, натужно вращая большой круглый вентиль.

Щукин помогал, подсвечивая ему маленьким электрическим фонарем. Когда замок был снят, Широков осторожно приподнял люк и, получив лишь узкую щелку, осмотрелся, пытаясь выглянуть за границы обзорности, дозволенные ему природой.

На площадке было пусто и свет фонаря беспрепятственно заметался по искрящимся стенам небольшой камеры, вырубленной в толще льда. В одной из стен виднелась темная арка и первые несколько также вырубленных во льдах ступеней, ведущих наверх. По полу камеры струились и уходили в арку несколько толстых черных силовых кабелей.

– А что это вы всё осматриваетесь, товарищ Широков?

– А это, товарищ Щукин, чтобы медведь тебе жопу не откусил.

– Скажете тоже, – хмыкнул Щукин, выбираясь из люка. – Где они, эти медведи? Говорят, последнего года так три назад видели. Да и того не поймали.

– Говорят, – кивнул Широков. – Но никогда не знаешь, когда он заявится. Случаи были.

– Какие случаи?

– Да вот такие и были, – поучительно продолжал Борис, все еще оглядываясь и медленно выбираясь из люка. – Вот лет так десять назад, ты-то и не помнишь, наверное... В общем, пошёл Коля, механик, антенну чинить.

– Ну? – напряженно спросил Щукин, замерший у люка.

– Гну! Высунул он, значит, башку из люка, а тут – бац!

Одни ноги-то и остались.

– Это как?

– А так. Медведь ему лапой башку снес, а потом рванул. А люк обратно – хлоп! Люком его прижало, а он тянет. Рычит и тянет. Да так вот и разорвал пополам Коляна. Только ноги, люком прижатые, от него и остались. Медведь-то, сволочь, нерпу так ловит. Сутками может у лунки сидеть, скотина... Упёртые они, что твой боцман. А потом раз лапой – и башка с плеч.

– Так-то нерпа, – недоверчиво возразил Щукин.

– Нерпа... – невесело усмехнулся Широков. – Так мы для него, дурья твоя башка, и есть та самая нерпа. Тоже сидим подо льдом и иногда из лунки выглядываем... Только может чуть больше размером. И воняем больше.

– Это почему?

– А потому что нерпа хоть иногда, но моется, а мы – нет, – отрезал Щукин. – Пошли.

Они пересекли небольшую, в пару шагов очищенную ото льда площадку, которая располагалась прямо на железном горбу лодки. Слабый фон от флуоресцентной краски, неаккуратным крестом нанесенной на корпус, освещал лишь несколько метров от уже задраенного люка. Они подошли к выходу – мерцающей зеленоватыми искрами вырубленной во льду арке. Широков тут же перебросил тяжелую сумку с инструментом на плечо Щукина.

– Сегодня твоя очередь.

Добыв из кармана маленькую, перемотанную изолентой коробочку с пьезоэлементом, он поднес ее и щелкнул возле шлема Щукина. Появился синеватый, подрагивающий язычок пламени, многократно отраженный в окружающих их блестящих ледяных стенах. Широков передал коробочку Щукину и тот зажег такой же огонек на его шлеме.

– Пошли, – снова повторил Широков и они отправились в путь.

Ступени, вырубленные в толще льда, были все разного размера и идти по ним было не очень удобно, особенно с тяжелой сумкой. Двое моряков медленно, но настойчиво карабкались вверх. Конечной точки маршрута не было видно – там, где заканчивалась освещенная фонарями зона, начиналась темнота, в которую и уходили бесконечные ступени. Лед, белый, синий и зеленоватый был гладким на стенах и шероховатым, выщербленным от постоянного хождения туда-сюда вверх и вниз по ступеням.

Иногда встречались небольшие площадки, на которых также из льда были сооружены некие подобия лавок. Тогда Щукин и Широков присаживались на них и несколько минут отдыхали. Огоньки их шлемов плясали по гладким, полупрозрачным стенам с белыми прожилками. Площадка была достаточно большой, свет терялся в дальнем конце ее, так и не добираясь до противоположной стенки. Несколько колонн, закрученных в штопор в верхней своей части поддерживали неровный, явно недоделанный сводчатый потолок.

– Как в колонном зале... – прошептал матрос, но без особого пиетета. Сплюнув себе под ноги вязкой слюной он, тяжело дыша, полез под тулуп за флягой.

– А ты-то был в этом зале? – насмешливо спросил Широков. Он, в отличие от помощника, поднимался по этой лестнице ежедневно и даже еще не вспотел.

– Представьте себе, видел, Борис Борисович, – похвастался Щукин. – Я на кремлевской елке там был.

– Ты? На кремлевской елке? – удивился Широков. – Ты же детдомовский, сам же рассказывал.

– Ну да, – отпивая из фляги подтвердил Щукин. – У нас однажды такая разрядка пришла: снарядить в Москву группу из детдомовских, чтобы, значит, порадовать детишек...

– Ух ты, – снова удивился Широков. – Как о вас государство-то заботится.

– Ну да, – снова повторил матрос, недобро как-то усмехаясь при этом. – В общем, по итогу, конечно, оказалось нас в поезде человек тридцать. А детдомовских двое – я и Васька.

– Как так?

– Да вот так, – закручивая флягу сказал Щукин. – Набрали бластных по всему городу, а нас по жребью взяли. Потому, наверное, чтобы совсем уж не позориться, а то вдруг кто скажет чего-нибудь не того... Но это тогда всем очень обидно было, но вот когда мы, значит, вернулись, так весь детдом радовался, что никто кроме нас, дураков, на эту елку не по-

пал.

– Это почему? Не понравилось?

– Ну вот как тебе сказать, – задумался Щукин. – Ехали мы туда трое суток на поезде. Как ехали, отдельная история, жрать нечего, блатным-то родители и еды собрали и денег на дорогу дали. А нам сухпак – банка кильки и две картошки на три дня. Но ничего, нашлись и среди блатных люди, поделились кто чем. Дальше – елка, честно говоря, оказалась так себе – у нас в детдоме во дворе и то краше растет, так мы ее-то каждый год и наряжали. Так вот то – елка, а тут какая-то железная труба, в которую с разных сторон веток понатыкано. Ну, а когда Дед Мороз, начал на нас орать, чтобы мы в очередь выстроились и на первый-второй рассчитались, так тут уж самых мелких и пробрало. Воспиталка долго их потом успокаивала...

– Это зачем? – удивился Широков.

– А так ему подарки было удобней вручать, – усмехнулся Щукин. – Подарков только два варианта было, в синей коробке и в красной. Так он, чтобы не путаться, так нас и рассортировал... Но ты дальше слушай – это, конечно, смешно выглядело. Хотя это сейчас смешно, а тогда, честно говоря, было как-то страшно... Но потом еще праздничный стол был. Рассадили нас, значит, согласно генеральному плану, ну и накормили – Щукин снова сплюнул и замолчал.

– Чем же? – заинтересовался Широков.

– А черт его знает, – сказал Щукин. – Рыбой какой-то. Ну

рыба и рыба. Но я и не ел почти, странная она была какая-то, да и вообще я рыбу не очень люблю. Думаю, поэтому и обошлось все.

– Что обошлось?

– А потравились все. Как сели в поезд обратно ехать, так тут и началось – одни на лавках лежат зеленые, другие под эти лавки блюют. Потом наоборот. И так до самого Омска. А там нас с поезда сняли и в реанимацию. Хорошо, хоть не помер никто...

– Ничего себе, – покачал головой Широков. – И что, никого за это не наказали?

– Как же, наказали, – подтвердил Щукин, уже поднимаясь и одергивая на себе тулуп. – Воспиталку нашу, пигалицу семнадцати лет, взяли. А потом и посадили, ну, как водится. Долго мы ей потом письма писали. Иногда отвечала. Ну что, пошли?

Широков внимательно посмотрел на Щукина и тоже поднялся.

– Давай инструмент. Теперь я понесу.

Чем выше они поднимались, тяжело дыша, то и дело перекладывая сумку с одного плеча на другое, тем светлее становились стены. Внизу, у самой туши огромного, вмерзшего во льды подводного крейсера лед был голубовато-зеленым. Выше он стал белёсым и матовым, как застывшая карамель. А ближе к поверхности спрессованный годами снег еще не

превратился в однородную промерзшую массу и походил на рыхлое суфле.

Когда сверху почувствовалось первое дуновение ветра, моряки погасили лампы и стал заметен слабый рассеянный свет, изливавшийся в черную дыру тоннеля вместе со свежим морозным воздухом. Здесь уже площадок для отдыха не было, и они присели прямо на ступеньки, наслаждаясь естественным, а не очищенным кислородом и отдыхая перед последним участком пути. Еще два года назад здесь и был выход, о чем свидетельствовала коряво нацарапанная отметка на стене. Но с каждым годом тоннель на поверхность становился все длиннее и подниматься по нему приходилось все дальше.

Когда дыхание выровнялось и снова можно было говорить, Щукин пнул ногой разбухшую сумку с инструментом и спросил:

– Слушай, Борис Борисович, я вот каждый раз как все это хозяйство таскаю, спросить хочу.

– Ну?

– Почему мы тащим по этой чертовой лестнице весь этот набор юного техника, а наверху, как правило, нужна отвертка ну и, молоток там, в крайнем случае.

Широков слегка улыбнулся, разминая затекшие ладони.

– А потому, салага, что когда тебе понадобится что-то еще, кроме молотка и отвертки, то тебе придется снова бежать вниз, а потом снова наверх. А оно, зараза, обязательно

понадобится, причем именно в тот день, когда ты решишь, что тебе хватит и одной отвертки.

– И часто такое случается?

– Что?

– Ну, что одной отвертки мало?

– Случается, будь спокоен, – уклончиво ответил Широков.

– Ну ладно, – согласился Щукин. – Это я понимаю. Но почему тогда не оставить сумку наверху? Вы же чуть не каждый день туда ходите.

– А вот этого нельзя.

– Но почему?

– Снегом занесет. Или утащит кто, – неохотно ответил Широков.

– Утащит кто, – чуть не плача, взвыл матрос. – Да кто утащит-то? Кто, Борисыч?

– Кто, кто... Нельзя. Инструкция на то есть, Паша. Инструкция.

Он тут же вспомнил утренний разговор с механиком и, раздраженный, поднялся первым. Молча закинув на плечо сумку он потащил ее наверх. Он уже не слушал Щукина, который тащился сзади и все бормотал: – Инструкция, вашу мать... Инструкция...

Непосредственно перед выходом, закрытым неровным, полупрозрачным куском пластика, они остановились. Лившийся из-за этой импровизированной двери свет был раз-

мытым и мутным, может лишь чуть более ярким, чем осточертевшее освещение люминесцентных ламп.

– Ты посмотри, – прислушался Широков. – И не метет сегодня совсем. Облачайся.

Щукин достал из своего заплечного мешка две овальные, с надежным стальным ободом маски, которые на больших глубинах используют аквалангисты. Стекла на них были мутные, все в царапинах, покрыты тонким слоем желтой, кое-где отвалившейся краски.

– Так нет же ветра, Борисыч, – удивился Щукин, укладывая в заплечный мешок ненужные теперь каски с предварительно задутым огоньком фонаря.

– Ультрафиолет, салага, – ответил Широков, надевая маску. – Если не метет, значит светит. Ты со мной, когда последний раз здесь был? Недели две назад?

Щукин кивнул, надевая такую же маску и поднимая воротник ватника.

– Ну вот. Чтобы сейчас глаза сжечь, тебе много не понадобится. Пару минут всего.

Прежде чем выйти на поверхность, Широков еще долго всматривался в мутноватый свет, заходя от двери то слева, то справа, очевидно, пытаясь разглядеть границы совсем уже мертвой зоны. Затем резко выдохнул, быстро перекрестился и осторожно убрал пластик в сторону. Выглянув, он быстро стрельнул глазами и тут же спрятался внутрь, напряженно осматриваясь. Щукин насмешливо поглядывал на него, но

молчал, расслаблено почесывая ухо под облезлой шапкой из искусственного меха.

Белая, искрящаяся на солнце поверхность была нетрону-та.

– Надо же, – снова удивился Широков, прикрывая глаза ладонью. – Солнце. Редкий случай. Вылазь, салага.

Щукин также поднялся и равнодушно уставился на бесконечную белую пустыню. Ветра не было и казалось, что на этой стерильной, залитой солнечным светом площадке должно быть очень тепло. Тем не менее стоило вдохнуть поглубже, и иллюзия рассеивалась – если не следить за дыханием, то помимо ожога глаз и рака кожи можно было запросто получить и ожог легких.

Шагах в двадцати от черного зёва выхода виднелся редкий частокол антенн, до половины занесенных снегом. Они резко выделялись на фоне безупречно чистого, темно голубого неба, над которым царил нестерпимо яркий кружок солнца.

Моряки направились к антеннам. Шагая по твердому, коегде ломающемуся насту, они совсем не проваливались, потому как под одним слоем тут же начинался другой, еще более промерзший.

Добравшись до цели, Широков с облегчением сбросил тяжело звякнувшую сумку и задрал голову вверх, осматривая антенну. Ее металлическая поверхность была вся усыпана кристаллами снега так, что казалось, снег произрастает прямо из нее, как какая-то неведомая белая плесень на древес-

НОМ СТВОЛЕ.

Подергав растяжки, Широков уже примерился было до-
стать отвертку, как вдруг почувствовал, что оказавшийся
вдруг рядом Шукин тихонько дергает его за рукав ватника.

– Ты чего? – спросил Широков, с удивлением разглядывая
под маской округлившиеся глаза матроса.

Шукин не отвечал и молча, трясущейся как от лихорад-
ки замызганной рукавицей, указал на цепочку следов, про-
резавших снежную пустыню и подходящих к самой антенне
с противоположной от них стороны. Следы были свежими,
глубокими и отчетливо выделялись на девственно белой по-
верхности. Здесь же обнаружился и оборванный кабель, тор-
чащий из-под ближайшей к следам опоре антенны.

Широков некоторое время пораженно молчал, не смея по-
верить своим глазам.

– Аврал, салага! – наконец завопил он. – Это ж медведь!
Вниз, вниз, бегом марш!!!

4

Борис не любил спешки. Ненужная суета и нервное возбуждение – плохой помощник, особенно когда работа ответственная и требует аккуратности. Однако сегодня, ввиду такого небывалого события, ему приходилось спешить. Ошалевший Щукин еще топал, разбрасывая снег, по направлению к связывающему лодку с поверхностью тоннелю, а Широков уже соединил оборванный кабель и прикрыл его снегом. Как он ни спешил, но стартовый узел беспилотника он обхаживал очень осторожно, попутно проверяя, не попал ли лед в хитрую систему пружин и рычагов, разработанную им лично.

Закончив проверку, он снял тяжелые рукавицы, и его уверенные ловкие пальцы быстро заскользили по пластиковому корпусу самого летательного аппарата. Здесь требовалась особая тщательность и в рукавицах было совсем неудобно. Он откинул крышку в передней части похожего на модель старого «кукурузника» беспилотника и достал из внутреннего кармана любовно укутанный в чистую тряпочку аккумулятор. Его он всегда приносил непосредственно перед полетом – если оставить батарею хотя бы на несколько часов здесь, на морозе, то она быстро теряла мощность и становилась непригодна к эксплуатации. А учитывая, что это была последняя и единственная батарея, терять ее очень не хоте-

лось.

Наконец все было готово. Широков закрыл крышку, последний раз проверил корпус аппарата и установил винт. После чего, задержав дыхание, он посмотрел на небо и нажал рычаг. Самолет выстрелил в небо, как арбалетная стрела, и над залитой солнцем белой пустыней тихонько, комариным звоном тоненько зазвучал электродвигатель.

– Хорошо, что ветра нет, – снова повторил он и, наскоро побросав в сумку инструменты, чуть не бегом двинулся ко входу в тоннель, догоняя Щукина.

Оказавшись за дверью радиорубки, Широков перевел дыхание, отключил помигивающие потолочные лампы и, нащупав в темноте рычажок небольшого настольного светильника, включил свет.

Стол, с установленными на нем приборами, несколькими старыми жидкокристаллическими мониторами осветился мягким желтоватым светом. Широков уселся в кресло, и, одновременно запуская мониторы, достал из ящика стола паяльник, включил его в сеть и воткнул в стоящий на столе стакан с водой. Импровизированный кипятильник мгновенно зашипел и на его поверхности стали появляться мелкие воздушные пузырьки, за которыми обычно подолгу и с удовольствием наблюдал Широков.

Однако сегодня был особый случай. Сзади глухо стукнула дверь рубки, но Широков даже не повернул головы, пре-

красно зная, что это может быть только Шукин. В рубку был разрешен вход только помощнику радиста, капитану, и еще несколькими ответственными лицами, о чем и предупреждала табличка на двери. Правда, большинство из этих ответственных лиц уже не было в живых, а капитан никогда сюда не заходил.

– Сядь, – не поворачивая головы кивнул Широков.

Шукин перестал нервными перебежками двигаться за спиной, и в рубке наступила тишина. Широков внимательно следил за мониторами. На одном из них маленькая красная точка медленно описывала круг в центре экрана.

– Может, камеру? – тихо выдохнул за спиной Шукин.

– Без толку, – так же тихо ответил Широков. – Сам знаешь, с камерой заряда хватит на пару минут.

– А инфракрасный работает? – снова спросил Шукин.

Широков чуть повернул голову и молча посмотрел на него.

– Помолчи, а? Инфракрасный... Треска ты безголовая. Он же не светится ни хрена. У него теплопотери – ноль, разве что нос немного фонит, но для этого нужно ему на этот самый нос сесть, чтобы засечь. Локатором попробуем.

Красная точка продолжала кружить в центре одного из мониторов, двигаясь по спирали, с каждым витком немного увеличивая радиус.

– Охотники вышли? – спросил Широков.

– Давно уже. Думаю, уже на поверхности.

– Вызывай.

Щукин уселся за соседний пульт и, водрузив на голову наушники с тонким прутиком микрофона, защелкал тумблерами.

– Стая, стая, я барсук. Как меня слышите, прием?

Широков не отрываясь следил за усеянными рядами цифр мониторами.

– Ну?

Щукин повернулся к нему и отчитался в спину: – Прошли восемьсот, след поворачивает на запад. И ветер поднимается.

– Ч-черт... – Широков посмотрел на показания и убедился, что Щукин прав. Уверенный округлый ноль на мониторе начал подрагивать, иногда срываясь на единицу с хвостом быстро меняющихся сотых.

– Просят визуально подтвердить, – сказал Щукин, прижимая к ушам телефоны.

– На следующем круге. Три с половиной минуты, скажи им.

– Есть.

Широков снова взглянул на показания скорости ветра и коротко выдохнул. Теперь там красовалась уверенная двойка, но и она уже начинала подрагивать, явно собираясь в скором времени превратиться в тройку.

– Успеем? – не выдержал за спиной Щукин.

– Не дрейфь, салага. Успеем.

Широков нажал несколько клавиш, и красная точка на мониторе тут же побежала быстрее, описывая правильную окружность со все увеличивающимся радиусом.

– Через минуту, – бросил он через плечо Щукину. – Пусть отметку ставят. Готовь камеру.

Щукин торопливо забормотал что-то в микрофон.

– Есть метка!

– Принял!

Широков включил камеру и тут же почувствовал на шее горячее дыхание – Щукин так же напряженно всматривался в экран. Поначалу ничего не было видно, монитор наливался лишь молочно-белым светом. Но вот в нижнем его углу появились несколько маленьких черных точек. Их можно было бы принять за пыль на поверхности экрана, но угол обзора медленно менялся и стало ясно, что точки двигаются, оставляя за собой тонкую нитку следов. Другая такая же полоска, видневшаяся в верхней части экрана, была все еще хорошо видна и круто сворачивала на запад. Но по экрану то и дело пробегали рваные горизонтальные полосы, которые можно было принять за обычные помехи.

– Ветер, – снова повторил Щукин.

Широков ничего не сказал, лишь взглянул на показания и убедился, что Щукин прав – там уже красовалась наглая и самодовольная тройка, не сулящая им ничего хорошего.

– Пусть возвращаются, – сказал Широков, после некото-

рого раздумья.

– Не успеем? – с надеждой спросил Щукин.

– Нет. Далеко ушёл. И ветер.

– Может, пусть хотя бы ловушку поставят?

– Незачем. Он не пойдёт назад той же дорогой. Он нас обходит, по кругу. Приманка нужна.

Оба замолчали и уставились друг на друга.

Наконец Щукин кивнул и быстро спросил:

– Доложить капитану?

– Доложи. Только не по связи – сходи сам.

Щукин кивнул и вышел.

Пискнула «лиственница» и послышался суровый боцманский бас:

– Боря, не может этот карась командира найти, нет его.

Широков чертыхнувшись, выставил автопилот и, удерживая показания в поле зрения, поймал свисающие с потолка устройство.

– Как нет?

– В отсеках нет, каюта не отвечает. А говнари как раз бак затеяли загружать, закрылись, проход будет только часа через два, учитывая вентиляцию. Ты закончил? Сходи может потом сам к нему? Новость-то хорошая, порадуешь старика. А то он на тебя что-то в последнее время как-то странно поглядывает...

– Знаете уже?

– А то! На кабмузе уже ножи точат.

– Ножи они точат... Губошлепы. Ладно, схожу сам. Как раз маневр закончу и схожу. Говнарям скажи, чтоб поторопились.

«Лиственница» хмыкнула и боцман отключился.

Широков вновь повернулся к приборам и, рассматривая пульт, отметил про себя, что белых полос стало намного больше. След, еще недавно тонкой, но уверенной линией выющийся вверху экрана, становился все тоньше и исчезал

прямо на глазах.

Он крикнул и раздраженно выключил камеру. На месте бескрайнего белого моря вновь появилась красная точка, описывающая неспешный круг. Рассматривая её, он нервно колотил пальцами по столу, отбивая рваный, одному ему слышимый ритм. Посмотрев на показания приборов, он убедился, что ветер еще более усилился, а цифры вверху другого экрана, отсчитывающие время работы батареи, подбирались к двадцати минутам. Широков встрепенулся и, подскочив к двери запер ее на ключ. Вернувшись к столу, он сейчас же застучал по клавишам. Открыв один из ящиков стола, достал лист бумаги, исписанный ровными столбиками цифр. Он нажал еще несколько клавиш, и красная точка послушно изменила курс, резко, поперек экрана уходя на восток.

Широков замер. Изредка поглядывая на отсчитывающие до полного разряда батареи цифры, он ждал, пока красная точка не доберется до края экрана. Это было практически максимальное расстояние, на которое еще хватало мощности усилителя, дальше управляющая беспилотником аппаратура уже не могла достать. Когда до края экрана оставалось совсем немного, Широков надел брошенные Щукиным наушники и стал осторожно, поворачивая всего на несколько делений, крутить ручку настройки. Одновременно он следил за красной точкой, уже стремящейся убежать за пределы экрана.

В наушниках раздавалось ровное, ничем не нарушаемое

шипение мирового эфира. Но Широков продолжал выкручивать ручку настройки. И когда красная точка уже коснулась края, в наушниках что-то треснуло, взвыло, и после секундной тишины послышался прерываемый помехами слабый голос: – И-Ар-Сэн, И-Ар-Сэн, Шэй Цзай Джели?

Широков удовлетворенно кивнул и, резко сменив курс, развернул беспилотник за миг до того, как тот пересек невидимую границу. Включив автопилот, он открыл сейф и достал оттуда толстый потрепанный журнал. Открыв его, он вписал время, круговой азимут в 206 градусов и, вернув журнал на место, аккуратно запер сейф на ключ. Впервые за день он широко улыбался.

Тринадцатый отсек все еще был закрыт, и Широков топтался у круглого, наглухо задраенного огромного люка, врезанного в переборку. Каким-то непостижимым образом и даже несмотря на натужно воющую вентиляцию, дерьмом во няло даже здесь. Он хорошо себе представлял, что происходило с той стороны переборки – в отсеке, облаченные в оранжевые декомпрессионные костюмы (других на лодке все равно не было), двое говнарей перекачивали свежую порцию сырья для производства биогаза. Под эти цели чуть ли не сразу после Приказа приспособили большой бассейн в зоне отдыха – учитывая резко изменившуюся геополитическую обстановку, это было более рациональное решение, тем более в нем вряд ли кто-то стал бы плескаться.

Идея имела успех. Теперь все отходы жизнедеятельности приносили несомненную практическую пользу. Нельзя было сказать, что получаемого таким образом газа хватило бы, скажем, для обогрева всего подводного крейсера, но на бытовые нужды и освещение хватало вполне. Те же головные “карбидки” для освещения выхода на поверхность работали исключительно на биогазе. Немногие уцелевшие электрические фонари пришлось отдать охотникам. Конечно, для выхода на поверхность, где царил вечная выюга, слабый огонек сжигаемого газа никак не подходил.

Наконец блокировочные рычаги на люке сдвинулись, и проход открылся. В лицо тут же пахнуло горячим, как будто он с мороза заглянул в давно не убранный общественный туалет.

– Ох, – поперхнулся Широков и прикрыл нос рукавом ватника. – Я пройду?

– Давай, – улыбаясь ответил один из дежурных по отсеку, аккуратно укладывая свой мягкий оранжевый костюм в коробку с надписью КС-02.

– Вы бы это, дверь все-таки прикрыли, – уже на бегу, стараясь как можно скорее покинуть отсек, попросил Широков.

Говнари довольно заржали, но ничего не ответили.

После перезагрузки бака вонять теперь будет с неделю, это абсолютно точно. И никакая вентиляция здесь не помогает. Он выскочил в следующий отсек, закрыл за собой люк и облегченно вдохнул.

Это был жилой офицерский, здесь можно было отдышаться, а длинный проход с рядом одинаковых узких дверей по правой стороне напоминал вагон какого-нибудь комфортабельного транссибирского поезда. Здесь можно было отдышаться.

Он медленно двигался по проходу и старался особо не шуметь, чтобы не мешать вернувшимся с вахты. Возле последней двери отсека он не смог пройти мимо и остановился. На двери была табличка «Командир Вячеслав Павлович Куницын». Когда-то здесь жил капитан. После Приказа и по молчаливому, но единодушному решению в его каюту больше никто не входил. Замполит, который принял командование через шестнадцать минут после пуска, переехал на центральный пост, а капитанская каюта так и осталась нетронутой. Зашли в нее только один раз – непосредственно после выстрела.

Широков постоял немного у двери и, перекрестившись, двинулся дальше. Перед следующим отсеком он уже заранее поднял ворот ватника и прижал к лицу нашедшуюся в кармане варежку – это был живой уголок, он же «ферма». Вообще, конечно, им несказанно повезло, что на момент отплытия у них в качестве животных оказались на борту не какие-нибудь канарейки, а несколько вполне обыкновенных кур. Второй раз повезло, когда старпом, сам себе парень деревенский, не дал сожрать их сразу же, а под угрозой расстрела обязал вахтенных высидивать яйца. Не все прошло

гладко, и большую часть яиц сожрали те же вахтенные, за что были биты смертным боем неоднократно. Но именно благодаря Кириловичу в их зеленой и жиденькой хлорелловой похлебке иногда встречается куриное мясо. Конечно, на сорок восемь оставшихся человек одной курицы на несколько месяцев, мягко скажем, маловато. Но это много больше, чем вообще ничего, что подтвердит вам любой знакомый с голодом человек. Потому как тот коктейль, который год от года сочиняют химики, ни есть, ни пить практически невозможно. Все уже даже перестали спрашивать, из чего они его делают. Из чего бы они его ни делали, на выходе всегда получается одно и то же – неизменно пахнущая ацетоном полужидкая субстанция, похожая на разлитый по тарелке канцелярский клей. Только цвет периодически меняется. Но и за это нужно было их поблагодарить. Пока не заварили переходы, поговаривали, что у Левых и того нет и жуют они уже кожаные ремни от парадной формы.

– Ну как, Кирилыч? Сколько сегодня высидел? – приветствовал он заведующего фермой.

Кирилыч, заросший бородой, как леший, но в белом, без единого пятнышка халате прохаживался по своей ферме. Запах, казалось, ему не мешал совсем, а занимали его внимание более важные вещи. Он осматривал свои владения, как господь бог рассматривает дела мирские, – со сдержанным интересом и готовностью всегда вмешаться. Несколько укутанных пленкой длинных теплиц под его чутким руковод-

ством возвращали гречу; под потолком, поближе к освещению располагались висячие сады с какой-то чахлой зеленью; в углу возились несколько кур размером с крупную крысу.

– А, – отмахнулся Кирилыч. – Не несут совсем. Скоро, чувствую, мне точно самому придется их обхаживать, чтобы хоть одно яйцо в месяц получить. А так, все без толку.

– Ну, ты то может и сможешь, – улыбнулся Широков. – У нас вон, уже даже по утрам похвастаться нечем. Товарищ Правый Капитан не проходил тут?

– Был. Давно уже, в торпедный шёл, просил не беспокоить. А про след, правда? – спросил вдруг Кирилыч.

– Слышал уже? – удивился Широков. – Я же только с докладом иду.

– Знаю, конечно... Так это правда?

– Правда, правда, – успокоил его Широков. – Есть след. Пойду, всё же побеспокою.

Борода Кирилыча зашевелилась, но Широков, не дожидаясь воплей восторга или, что было бы еще хуже, профессиональных советов где, как и с кем искать медведя, двинулся дальше.

Добравшись до торпедного, он остановился прислушиваясь. Было тихо, не считая привычного для лодки шелеста вентиляции, бульканья гидравлики и, время от времени, тяжелых, отдаленных ударов. Поговаривают, что это левые зафейлили провокацию, но возня эта продолжается уже несколько месяцев, а провокации все нет. Привыкли и к этому.

Широков постучал.

– Товарищ капитан! Товарищ Правый Капитан!

Тишина. На всем крейсере по должности, а не имени-фамилии, называли только его. И каждый знает, что это означает. Но так устав соблюден, ведь другое обращение и есть прямое нарушение устава, поэтому формально наказывать некого и не за что. Бывший замполит, конечно, поначалу бесился. А сейчас ничего – привык, и вроде как ему это уже даже нравится.

– Товарищ капитан! – уже энергичнее заколотил в дверь Широков. – Разрешите с докладом!

Никто не отозвался. Странно. «Может у него сердцехватило» – с надеждой подумал Широков.

Он, уже собираясь уходить, дернул ручку и люк неожиданно поддался. Постучал снова, осматриваясь, покричал. Никого.

Решившись, Широков распахнул дверь и вошел. Приглушенное освещение, ровное гудение генератора. Пусто. Он обошел отсек, внимательно присматриваясь и прислушиваясь. Вдруг ему показалось, что он слышит невнятное, какое-то приглушенное бормотание, напоминающее слабое журчание воды по трубам. Он остановился и с удивлением понял, что источник звука находится по левому борту.

Широков осторожно ступая двинулся вдоль борта и приблизился к давным-давно наглухо заваренному переходу на левый борт. То есть он был заварен. Теперь же, присмотрев-

шись, Широков увидел, что звук доносится из-под узкой полоски неплотно прикрытого люка, искусно замаскированной нарочито грубым, ржавым сварным швом.

Он уже поднял руку и, заинтересованный, хотел открыть люк, как вдруг тот распахнулся сам и на него уставился капитан. В его расширившихся глазах удивление мгновенно сменилось самым настоящим, откровенным бешенством.

6

– Ну, и долго мне так стоять? – спросил Широков.

– Сколько надо, столько и будешь стоять, – проворчал капитан, пытаясь одной рукой поймать микрофон «лиственницы», потому как другая рука была занята пистолетом, который он направлял в сторону радиста.

– Сидеть!

Сделавший было попытку подняться Широков снова опустился на стул. Тем временем его собеседник наконец добрался до микрофона и, косясь в сторону Широкова, включил связь: – Внимание! Говорит капитан! Всем отсекам – боевая готовность! Группа жизнеобеспечения ко мне! Бегом! ЧП на судне, обнаружен диверсант!

Когда его звенящий голос растаял в эфире, Широков решил задать мучивший его вопрос.

– Товарищ Правый Капитан! А что вы там делали?

– Молчать!

– Нет, ну вы же там что-то делали? Что? Там ведь есть кто-то, правда? Они живы?

– Молчать... – прошипел он сдавленным от бешенства голосом. – Слово скажешь, гад, я же тебя прямо здесь и сейчас... При попытке к бегству... А будешь молчать, может и поживешь еще. Понял?

– А я знал, – сказал Широков.

– Что же ты знал, тухлая ты селедка? – вкрадчивым шёпотом поинтересовался капитан.

– Я знаю, что они живы. И что вы туда ходите. И то, что вы им газ гоните, тоже все знают. Давно слухи ползут. Все знают.

– Кто это – все?

– Ну кто... Команда.

– Команда, – презрительно бросил капитан и покосился в сторону двери. – Ничего вы не знаете...

– Ну как же, – спокойно и, как бы сам такому спокойствию удивляясь продолжал Широков. – Мы же не слепые. Вот и сегодня утром... Откуда помидоры-то у вас? А огурцы? У нас такого нет и не было никогда. И спирт... Утром, ведь это спирт был, правда? Это ведь не та бормотуха, что в теплице бодяжат, это совсем другое. Я уж этот запах ни с чем не перепутаю...

Он замолчал, понимая, что дальнейшие рассуждения на эту тему вряд ли принесут ему что-либо хорошее. Но и остановиться он уже не мог. Хотелось рассказать об этом – пусть даже ему, капитану, самому неподходящему для этого человеку. Ему. Он знает. Знает. И осознание этого наполняло его веселой злостью.

– Ну-ну, – подбодрил его капитан, покачивая пистолетом. – Дальше давай.

– А что дальше... Да вот хоть бы и рыба...

– Что?! А это откуда знаешь? Откуда, сволочь?

– Ну как... Я же вижу всё сверху. Раз следов нет, значит они копали не вверх, а вниз. Так ведь?

– Допустим, – качнул стволом капитан.

– Так вот, рыбы же у нас нет? Нет. Значит, это левые вам ее поставляют.

– А ты видел?

– Как приносят – нет, не видел. А кости видел пару раз.

– Где?

– Да здесь и видел. Антенна ведь здесь подключена, я проверяю иногда. Видел. И охотники...

– Охотники?

– Ну да. Я знаю, что это вы им спирт даете.

– Та-а-к, – протянул капитан и, изогнувшись, стал задумчиво тереть плечом о щетинистую щеку. – Кому еще говорил?

Но Широков не успел ответить – за дверьми уже слышался тяжелый топот охотников, которые мчались на призыв своего вожака.

Широков закрыл глаза и откинулся на спинку стула. Он не хотел видеть эти вечно ухмыляющиеся рожи, которые, ворвавшись в рубку, принесли с собой запах старого, прогорклого жира, тяжелый кислый перегар и, самое главное, тупой, парализующий жертву животный страх.

Но ему уже не было страшно. Ему было только больно. Когда дверь открылась, капитан сделал шаг вперед и резко, с замахом, залепил ему рукояткой пистолета прямо в зубы.

– Взять, – коротко бросил капитан ввалившимся в рубку охотникам.

Это было последнее, что услышал Широков, медленно заваливаясь.

Глухо стукнула дверь, и Широков пришел в себя. Он сидел на полу, в маленьком тесном отсеке, окруженный штабелями ядовито оранжевых спасательных костюмов. Ими давно никто не пользовался, так как по понятным причинам утонуть в море в ближайшее время не представлялось возможным. На пороге, печально разглядывая Широкова, застыл механик.

– Не сбежишь? – осторожно спросил Саша.

Широков непонимающе уставился на него, а потом, когда до него дошла вся абсурдность вопроса, начал истерически хохотать. Глядя на удивленное лицо посетителя он уже не мог остановиться и, захлебываясь, выдохнул: – Куда, Саша?! Куда?! Куда ты нахуй денешься с подводной лодки?

Он продолжал смеяться, осознавая, что надо бы остановиться. Но остановиться он уже не мог. Его смешило все – круглые от удивления глаза Саши, нелепые оранжевые костюмы, мятый алюминиевый котелок и даже перспектива близкой и неминуемой смерти. Широков просто не мог больше выносить эту затянувшуюся бессмысленную комедию. Механик быстро сообразил, что это веселье пора заканчивать, подошел ближе и, аккуратно поставив тихо булькнувший котелок на пол, с размаху залепил Широкову увесистый подзатыльник. Борис схватился за голову и тут же замолчал.

– На вот, – поднял с пола котелок Саша. – Это тебе от Михалыча.

– Спасибо, – сказал Широков, не сделав ни единого движения в сторону котелка. Тем не менее повторил: – Спасибо.

Помолчали.

– Почему ты? – спросил вдруг Борис. – Почему не охотники? Ты что теперь, по дисциплинарной части?

– Да нет, – отмахнулся механик. – Охотники почти все наверху. Пробуют догнать все-таки.

– Ну да, – согласился Широков. – Понятно.

– Как ты?

– Нормально, – пожал плечами Борис. – Башка болит только.

– Чем это он тебя?

– Пистолетом...

– С тобой запретили разговаривать, чтоб ты знал... Почему? – негромко спросил механик.

Борис молчал и тупо разглядывал котелок, над которым клубилось, растворяясь, легкое и невесомое облачко пара. Запахло чем-то травяным и острым. Снова хлорелла, будь она неладна.

– Суд сегодня. Вечером, – сообщил Саша.

– Да? Быстро, – вяло удивился Широков.

– Да, – согласился Саша, – Быстро. Готовятся все.

Широков снова ничего не ответил, но, подумав, подтянул к себе котелок и стал медленно пить. Странно, запах был

очень сильный, но вкуса он практически не ощущал. Когда же он вообще чувствовал вкус этих водорослей?

– А я знаю, почему с тобой нельзя разговаривать, – сказал механик наблюдая за тем, как Широков прихлебывает из котелка.

– Да? – недоверчиво покосился на него Борис.

– Конечно. Ты увидел его, да? В переходе?

Он все также молчал, сосредоточено взбалтывая остатки похлебки.

– Конечно увидел, – продолжал механик. – Ты не думай, я же не допрашивать тебя пришел. Просто хочу, чтобы ты знал, что я знаю. И не только я.

– Ну и хрен с вами, – устало сказал Широков, отставляя котелок и снова хватаясь руками за голову. – Все знают, что я знаю, что вы знаете...

– Чего?

– Да ничего. Надоели вы мне все. Бля, как же башка болит...

– Ниче, скоро перестанет, – заверил его механик. – Надоело ему... Жить тебе надоело, идиот.

– Сам ты, Саша, дурак. Тоже мне, гедонист.

– А что, Борис? Лучше на снег? Ты чего добился? Того, что теперь туда, на снег? Вот нахрена тебе это нужно было? Ну сделал бы вид, что не заметил, что, сложно это было сделать?

– Несложно, – согласился Широков. – Но не могу я так.

– Не может он... – пошевелил пальцами в воздухе механик. – А теперь-то что? Конечно, был бы жив Иван Михалыч, не тронули бы тебя, а так...

– Знаю, Саша, знаю. Михалыч был человек.

– Да, тебя он любил, почему-то.

– Да не то чтобы... Я же к его дочке сватался. Ты слышал, наверное.

– Ну знаю, – кивнул механик. И добавил: – Не ты один.

– Ну да, не только я, конечно, – согласился Борис. – Но из подводников только я, да еще с одной лодки... В общем сживали мы с Михалычем часто, он меня уже как родного принимал.

– А Светка что ж?

– Да что ж. Не случилось у нас любви и душевной близости.

– Что, рылом не вышел?

– Да нет, к суровой внешности моей претензий не было, насколько мне известно.

– А что ж?

– А то. Не сошлись мы во мнениях. Да и расстались плохо, до сих пор себе простить не могу... Как раз перед последним выходом дело было. Сидели мы на кухне у Михалыча, все честь по чести, разговаривали. Ну, как водится, вторая уже на столе, картошечка там, хуешечка... А тут приходит Светлана, на взводе вся, нервная...

– Ну?

– Ну и с порога мне – какого, говорит, хера, ты тут расселся? Чего ты, спрашивает, сюда таскаешься? Не светит тебе, говорит, нихрена, уйди ты с глаз моих. И в слезы.

– Н-да...

– Вот именно. Михалыч тут осерчал слегка и говорит ей – я, говорит, со своим боевым товарищем здесь встречаюсь, так что нечего здесь волны поднимать, прям думаешь, что все тут вокруг тебя вертится. Ну пошло-поехало.

– А она?

– А она, Сань, в слезы. Задолбали вы меня говорит. Я, говорит, вашего товарищества наелась уже по самое не могу. Я, говорит, лучше за Макса, что в Мурманске на рынке китайским шмотьем торгует, выйду.

– Ну да?

– Так да. Ну и понесло её тоже, сам понимаешь. Спасибо, говорит, посмотрелась я на маму, как она тебя, старого дурака, каждый раз в море провожает. Что мне, говорит, теперь вас двоих каждый раз провожать? И снова в слезы. Тут тебе и загубленная молодость, и вселенская несправедливость, и несчастная судьба родиться в стране, где зимой кипятильниками дома обогревают.

– Чего? Какими кипятильниками?

– Да тут же, на кухне, конструкция. В действии и в натуральную величину. Сам Михалыч и сделал, чтобы, когда он в море, семья не замерзла к чертям собачьим. С центральным отоплением сам же знаешь, какие дела в Гаджиево... Ну так

вот он все батареи в доме и переделал – от теплосети, которая все равно нихрена не греет, отрезал, а в чугунную батарею электрический тэн вставил, от проточного нагревателя с камбуза. Вот и получился обогреватель из кипятильника.

– Ага. Понятно. И работает?

– Конечно работает. Говорю же, сам Михалыч делал.

– Ну, а ты что?

– А я встал и говорю Светлане – знаешь, мы, конечно, на рынке не торгуем. Мы русские моряки, подводники. И вот такая у нас служба. И, конечно, поддельный гучи каждый день тебе таскать мы не имеем возможности. И кипятильник у нас в батарее. Но пусть уж, говорю, он у нас лучше в батарее будет, чем в другом интересном месте, куда твоему коммерсу коллеги с рынка его в скором времени обязательно засунут.

– Н-да...

– Вот тебе и да. А ведь потом, Саня, уже после того как дверью хлопнул, подумал я – он, конечно, работает. Но неправильно.

– Кто? Кипятильник? Как он может неправильно работать?

– А вот так, Саша. Не должен командир ракетного подводного крейсера стратегического назначения, у которого в сейфе ключ лежит от половины мира, кипятильником обогреваться. Есть в этом что-то противоестественное. Вот и получается, что работать-то он работает. Но как-то неправильно.

8

Зал был полон. Борис, подталкиваемый в спину прикладами охотников, вошел в Красный уголок и зажмурился. После полумрака переходов залитый светом потолочных ламп зал вызывал раздражение. Суда не было очень давно и все свободные от вахт, конечно, были здесь.

В спину снова пнули:

– Давай.

Конечно, место для него было выбрано неслучайно. За длинным столом в торце комнаты уже расставили стулья для президиума, а Бориса поместили слева. Охраняющие его охотники разместились справа.

Капитана еще не было. В комнату входили моряки, осторожно косясь в сторону Бориса. Усевшись на место, они тут же начинали тихо шептаться с соседями, от чего по залу, переливаясь как прибой, носился тихий шум, напоминающий шелест опадающей листвы в осеннем лесу. На их лицах, как отблески тусклого холодного солнца, то и дело вспыхивали жёсткие, осторожные ухмылки. Происходящее им явно нравилось и пришли они сюда с единственной целью – как следует поразвлечься. Их не интересовала ни вина, ни истина, им просто было интересно. А близость скорой и, самое главное, чужой смерти, приятно бодрила.

Голоса становились все громче и увереннее. Кое-где уже

послышались смешки, а на задних рядах, кажется, начали принимать ставки. Ставили на лодке традиционно много – на погоду, на перегоревшие лампы, да на что угодно. Ставкой же, как правило, была еда. Жаль, что он не знает соотношения ставок, правда, поставить ему все равно нечего. В том что он уже вряд ли доживет до ужина, Борис не сомневался. Никогда трибунал не выносил оправдательного приговора, тем более не будет этого сейчас – когда где-то в окрестностях бродит голодный медведь, чего не случалось уже много лет. Но каким бы медведь не был голодным, команда еще голодней. А что способен сотворить царь зверей, когда он голоден, нетрудно себе вообразить. Тем более, когда эти звери сбиваются в стаю.

Стянутые ремнем кисти лежали на коленях как тряпки. Почему-то сейчас это казалось самым важным – то, что эти два комка плоти, неподвижно лежащие перед ним, абсолютно не ощущались чем-то своим и знакомым. Странно было наблюдать их и не чувствовать. Постепенно он понял, что точно такое же ощущение он испытывает и ко всему остальному своему телу, понуро уткнувшимся взглядом в свои неподвижные ладони по левую руку от портрета Государя. Ожидать чего-либо хорошего не приходилось.

Наконец в коридоре послышались гулкие шаги и шум в красном уголке сейчас же угас, как будто где-то выключили невидимый рубильник. Все уже расселись и, не поворачивая

головы, ожидали прихода Правого Капитана.

Дверь открылась, и он вошел – в белом парадном кителе, поводя по сторонам тяжелым взглядом, торжественный и непоколебимый как айсберг. У дверей он остановился, и с трудом ворочая подверженной артриту шеей проверил, всё ли на месте. Только убедившись, что все в сборе и ожидать ему больше никого не придется, он величественно прошествовал на почетное место. Несмотря на невысокий рост, он умел пройти так, чтобы все остальные зачарованно смотрели ему в спину, чуть наклонив головы, непроизвольно изгибаясь в подобострастном поклоне.

“А ведь он постарел”, – отметил про себя Борис. Его прямая спина уже не наводила на мысли о туго сжатой пружине, а скорее о высохшем и затвердевшим навсегда флагштоке, воткнутом в пожелтевший от времени парадный китель, вершину которого украшала болтающаяся во все стороны фуражка. Медленно поворачиваясь всем телом, потому как шея давно утратила способность двигаться самостоятельно, он напоминал старый флюгер, тщетно ищущий давно потерянный ветер. Но он еще был силен, очень силен. И об этом не следовало забывать.

Безраздельно владея положением, капитан занял свое место аккуратно под портретом Государя и, еще раз изучив внимательным взглядом, притихший в предвкушении личный состав, милостиво кивнул старпому – можно начинать.

Сидящие в зале тихо, с оглядкой, переговаривались, как

пионеры, впервые собравшиеся в кинотеатре для просмотра какого-нибудь патриотического фильма о похождениях красных дьяволят. Изредка поглядывая на связанные толстым нейлоновым канатом руки Бориса, они тем не менее продолжали непринужденное общение, чуть ли, не потирая руки от предстоящего удовольствия.

“Диверсант, агент...”, – шелестело по залу, шуршало людским приливом из всех углов заполненного до отказа помещения.

– Товарищи, – начал старпом, теребя в руках невесть откуда взявшуюся бумажку. – Все вы знаете вот этого нашего... Э, бывшего... э, в общем, Широкова вы все знаете. Точнее, до этого вы могли его знать, как настоящего человека, всегда готового...

Борис снова закрыл глаза. И тут же получил болезненный тычѐк под ребра.

– А ну не спать!

Он открыл глаза и уставился на приставленного к нему конвоира.

– Не спать, я сказал! Или хочешь, чтобы мишка сразу отбивную получил?

В зале довольно заржали.

– Товарищи, товарищи, – взмолился старпом. – Дайте же хоть приговор зачитать.

– Какой там приговор! – возразил голос из зала. – Он же уйдет, пока вы тут будете свои бумажки перекладывать. На

снег его и дело с концом!

Шум стал нарастать, все с явным одобрением уже стучали ногами, с криками “Правильно!”, “Нечего здесь!”, “Сворачивай!”. Команда определенно хотела кушать. И даже бесплатное шоу в виде народного суда не могло затмить это непреодолимое желание. “Потому как сначала хлеба и только потом зрелищ”, – устало подумал Широков.

И вдруг наступила тишина. Открыв от неожиданности глаза, Борис непонимающе уставился на окоченевший зал. И тут уже увидел, что все смотрят на капитана. Тот, не вставая, медленно обводил холодным как замерзшее озеро взглядом разухарившийся личный состав. Казалось, что это изморозь бежит по осенней, и так уже пожухлой и безжизненной траве, окончательно переводя ее в посмертное окоченевшее состояние. Люди корчились и замирали под его взглядом, утрачивая волю и последние признаки жизни.

– Тихо, – явственно молвил капитан. – У нас все по закону. Предатель должен быть наказан. Товарищеским судом. И никак иначе.

Он отвел взгляд и старпом, выдохнув от облегчения, снова зашуршал бумагами.

– Вот. Так вот, – уже громче продолжил он, – все мы знали его, как нашего товарища. Товарища, всегда готового защищать наш исконный Русский мир от нападок мирового капитализма. Вся эта грязь, льющаяся на нас с Запада, все эти потоки лжи и противоестественные отношения между...

Но ему снова не дали договорить – тихонько скрипнула дверь и появился Юрка – уже полностью одетый с подносом в руках, на котором стоял одинокий, граненый стакан для капитана. В полной тишине Юрка мелкими шажками приблизился к алеющему в углу президиума бархатному креслу и с поклоном, как какой-нибудь потомственный британский батлер, подал напиток. Капитан, как показалось, недовольно на него посмотрел, но стакан взял. Все также в тишине, провожаемый десятками пристальный глаз, Юрка удалился, осторожно прикрыв за собой дверь.

– Да, – очнулся наконец старпом. – Так, о чем это я?

– Об отношениях! – хохотнул баском один из охотников.

Капитан бросил на него быстрый взгляд, но ничего так и не сказал.

– Да, – повторил старпом. – В общем, сегодня мы должны разобраться вот с какой историей – наш товарищ, оказался совсем не тем, кем мы думали.

– Иностранным агентом? – снова хохотнул все тот же бас.

– Да! – уверенно заявил старпом. – Именно! У нас и доказательства есть. Вот!

Он проворно вытащил откуда-то потрепанный карманный словарь и торжествующе предъявил его собранию.

– Вот, смотрите! Вот оно, доказательство! – А еще...

Скрипнула дверь и в Красный уголок снова заглянул вахтенный. Он молча осмотрел замерший в ожидании зал и

мрачно сообщил:

– Товарищ Правый Капитан! Плохие новости – охотники не вернулись.

Щукин раздраженно хлопнул люком, отчего звуковая волна, пометавшись на небольшой затененной площадке, дробясь и отражаясь тысячекратным эхо, ушла куда-то вверх, к невидимому выходу.

– Ну что, дядя Боря, пошли? – шурился Щукин на мерцающий огонек, пляшущий в углублении шлема.

Ничего не ответив, Широков двинулся вверх. Чуть ли не ежедневно совершая это восхождение, он, казалось, успел привыкнуть и к темноте, и к неровной плоскости ступеней, и к такому знакомому, может лишь чуть острее здесь, наверху, ледяному холоду. Восемь пролетов. Всего лишь восемь неровных, разбитых и растрескавшихся от времени и тысячи его, именно его шагов, пролетов. Теперь же было сложно поверить, что этот подъем будет последним. Казалось, что ничего не изменилось, ничего нового в этом привычном замороженном мире измениться просто не может. Тем более вот так вот сразу, ведь еще сегодня утром он и представить себе не мог, что эта застывшая вселенная может так круто в одночасье измениться.

– Отдохнем, – выдохнул Щукин, одним движением скидывая автомат прямо ему под ноги.

Широков покосился на оружие, но, как будто о чем-то вспомнив, спокойно уселся на выдолбленную в массиве льда

лавку. Кажется, именно эту он и обрабатывал много лет назад напрочь проржавевшим тупым долотом. Или это было пролетом выше? И ведь не вспомнить уже.

– А что, дядя Боря, тяжело умирать? – спросил вдруг Щукин, тяжело дыша тем не менее сворачивая ловкими пальцами тоненькую папироску, из того, что ребята из хозяйственной части постановили считать табаком.

– Жить тяжело, – отозвался, подумав, Борис. – А умирать легко.

– Это как так? – удивился Щукин, уже затягиваясь папиросой, ярким красным огоньком расположившейся на его ладонях. Широкову он, конечно, ничего не предложил. Ну ладно.

– А вот так, – спокойно ответил Широков. Ты-то вот и не знаешь, что тебя ждет и чем же это все закончится. Для тебя лично, конечно. А мне-то уже все известно.

– Ха! Да ничего тебе еще не известно! – весело возразил Щукин. – Вот сейчас только перед выходом мне сказали – охотники за нами идут! Велено наверху подождать.

– Вот дурак, – усмехнулся Борис.

– Кто дурак?! – тут же взвился Щукин.

– Да вот ты и есть. Ты что же думаешь, они тебе на помощь, что ли идут? Или меня что ли, исповедовать? Они же, дурья твоя башка, идут, чтобы мишке сегодня меню из двух блюд приготовить. Чтобы он уж наверняка на обед зашел. А ты что же, и не понял ничего? – насмешливо поинтересовал-

ся Борис.

Вранье, конечно. Но кто же будет обвинять идущего на смерть в сущности безобидной и мелочной мести? Ведь закурить-то мог и предложить, сволочь белобрысяя.

С удовольствием отметив, что глаза у сволочи беспокойно забегали, Борис поднялся сам.

– Пошли.

– На тот свет торопишься дядь Боря... – ухмыльнулся Щукин. Но тоже поднялся, и, демонстративно качнув стволом, кивнул в сторону уходящей в сторону угольно-черного провала лестницы.

– Шагай, давай.

И снова, шаг за шагом, в темноте, которую карбидка на шлеме не то чтобы разгоняла, а скорее подчеркивала. Мимо надтреснутой четвертой ступени, на которую он несколько лет назад уронил сумку с инструментами. Вот так вот трещина и осталась. Вот что за чушь лезет в голову? Говорят же, что вся жизнь перед глазами в такие минуты проходит. А тут ерунда какая-то, а не жизнь.

– Слышь, дядь Борь, а у тебя какой размер? – спросил вдруг сопящий сзади Щукин.

Широков недоуменно оглянулся и обнаружил, что тот с каким-то неизвестным ему ранее противным и липким интересом рассматривает его ботинки.

– Сорок пятый. Тебе не подойдет.

– Ниче, – осклабился Щукин. – Мне не подойдет, так кому

другому пригодится. Опять же, завсегда сменять можно.

– Совесть бы ты себе выменял на них, что ли, – вздохнул Борис.

Щукин довольно рассмеялся.

– Эх, дядя Боря, ты меня сейчас не учи уже лучше. А то ведь прямо сейчас можешь наверх босиком отправиться. Не надо лучше.

– Тебя научишь... – проворчал Борис, уже взбираясь на вторую площадку. – Салага... Ты что же думаешь, если тебе автомат без патронов доверили, так ты уж и Бога за бороду поймал?

Глаза Щукина сузились и он, уже едва сдерживаясь, процедил: – Хочешь проверить? Хочешь проверить, сколько там патронов? Хочешь, гад?

Он уже почти кричал дрожащим от бешенства голосом и сжимая автомат побелевшими от напряжения пальцами.

– Ладно, ладно, – выставил ладони перед собой Борис. – Не нужно. Я иду уже. Успокойся.

Добравшись до второго пролета они, не стовариваясь, уселись на лавку. Раньше, когда зверья было еще много, все лавки на пролетах были устланы сшитыми вместе обрывками кожи, что не пошла на теплую одежду. Черными, лоснящимися лоскутам медвежьей, тонкими и серыми нерпы. Но давно уже и эти признаки минимального комфорта растащили охотники, поэтому сидеть приходилось на голом льду. Борис попытался тогда еще пожаловаться дежурному, на что

получил исчерпывающий ответ, мол нечего расслаиваться – марш наверх, вот и согреешься. Ему то что, он наверх-то и не выходит почти. А ему чуть не каждый день ходить... Или уже не ходить?

– Так что, привал? Ждем твоих архаровцев?

– Кого, кого? – переспросил Щукин, не понимая.

– Архаровцев. Когда-то давно так полицейских называли.

В прошлом веке еще. Ну и разбойников, заодно.

– А, – безразлично отозвался Щукин, присаживаясь на ледяную лавку. И добавил, подумав: – А вообще я ментов не люблю. Они-то вот и есть самые разбойники.

Широков хмыкнул, но развивать тему не стал.

– Летать-то ты теперь будешь?

– А то, кто ж? – ответил довольный Щукин. – Мне уже товарищ Правый капитан лично обещал. Если все сделаем правильно и доверие оправдаем.

– А что – правильно? Что сделаете-то?

– Эх, дядя Боря... Лучше бы тебе не знать, ей-богу.

Помолчали.

Борис почувствовал, как где-то глубоко внутри ворочается, просыпаясь, первобытный животный страх. Страх не за свою жизнь, которая по правде говоря, и так ничего не стоила. Это был просто физически невыносимый, примитивный страх за свою шкуру – страх смерти, заставлявший его далеких, покрытых шерстью предков даже в самой, казалось бы, безнадежной ситуации оглядываться вокруг в поисках кам-

ня потяжелее. Широков машинально оглянулся – камней поблизости не было. Поблизости были только осточертевшие узоры из замерзшей воды, которые сейчас, впрочем, казались родными и уютными, знакомыми стенами родного дома.

Он украдкой взглянул на Щукина. Ну да, наверное, если сделать это неожиданно, то он сможет выдернуть автомат и даже, возможно, успеть двинуть ему этим автоматом. Возможно, потому что Щукин, хоть и тощий как щепка, но все же моложе его почти на десяток лет. И выше его, и руки у него длиннее. Но пусть. Ну а дальше-то что? Следом идут охотники, их будет несколько человек, возможно трое. Снизу охотники, сверху снежная и бесконечная как вселенная мертвая пустыня. Хотя нет, не такая уж и мертвая – теперь там где-то бродит медведь. Который наверняка еще более голодный чем он сам.

– Пошли, – сказал вдруг Щукин, поднимаясь. – Вперед.

“Почувствовал он, что ли”, – подумал Борис, медленно вставая. До третьего пролета, а он самый длинный, мы доберемся за шесть, семь минут. Всего пролетов восемь. Значит на все про все остается около получаса, не считая остановок для отдыха. Значит нужно отдыхать. Долго. Так долго, как это только возможно. Но не слишком долго, потому что скоро выйдут охотники. Но здесь они с ним ничего не сделают – дураков тащить его тело наверх наверняка нет. Чёрт, есть у него все-таки патроны или нет?

Он медленно побрел вверх, считая шаги между ударами сердца и стараясь, чтобы паузы эти были больше. И почувствовал вдруг, как липкий, парализующий страх постепенно уходит, уступая место простой человеческой злости. Да что он им, корова, что ли? Идти вот так, собственными ногами на убой... Унизительно как-то. Вот здесь сейчас сесть, прямо на ступени, и пусть делают с ним, что хотят! Во всех патриотических фильмах, которые в обязательном порядке крутили каждую вторую пятницу в Государевой комнате, его всегда удивляло – как так, что заключенные, будь то враги или же наоборот, наши герои, но все как один под конвоем идут смиренно, организовано, заложив руки за спину. Никто не протестует и не возмущается, никто не бросается на конвоиров и не пытается бороться. И вдруг понял. Это же просто время. Еще один шаг. И еще. На один шаг больше жизни. На одну ступеньку. На один лестничный пролет.

– У-ФФ-Ф, – Шукин обогнал его и первым плюхнулся на такую же, может чуть шире, ледяную лавку третьего пролета. Ту самую, с колоннами. Он снова стал сворачивать себе самокрутку, а Широков, уже собравшийся было делать ему внушение из-за этой дурацкой привычки, прикусил язык. Больше жизни, еще больше – пусть даже на одну сигарету.

Ему уже совсем не было страшно. В конце концов, ну что это за жизнь? Сколько они еще просидят в этой провонявшей человеческим потом железной бочке, застрявшей здесь как муха в янтаре? Еще пять лет, десять? Ждать, когда вста-

нет реактор и медленно умирать от холода, или, когда переведутся последние куры, погибнуть от голода? А что начнется на лодке, когда наступит настоящий голод, так об этом и вовсе лучше не думать. Надо полагать, на этот случай и у капитана, и, в первую очередь у охотников уже готов какой-нибудь кризисный план. И вряд ли в этом плане есть место, таким как он. А если это место и будет, то лучше уж действительно не дожидаться до этого момента. Ему нет места за этим столом. Разве что на столе, в виде главного блюда.

– Что приуныл, дядь Боря? – спросил Шукин, раскуривая свою самокрутку. – Не дрейфь, все там будем.

– Это где?

– Ну как – где. Известно. На том свете, товарищ бывший связист.

– А что, ты думаешь, он есть? – поинтересовался Широков.

– Скоро узнаешь, – засмеялся Шукин.

Он вообще был сегодня необычайно весел. Пожалуй, таким Борис и не видел никогда этого щуплого, мосластого паренька. Ну да чему здесь удивляться – небось давно уже спит и видит, как бы на его место сесть. Не зря же в помощники напросился. А может и специально его капитан подослал, с него станется. С капитаном у него давно уже как-то не складывается. С самого начала, если честно. С того самого начала, когда Михалыч застрелился, да вот табельный его так в сейфе закрытом и нашли. Но сказано же – застрелился. Рас-

следование, проведенное лично товарищем политруком доказывало это очень убедительно. И еще, конечно, охотники были очень убедительны. Как-то потом никто уж и не спрашивал, не до этого было. Застрелился и застрелился.

Мелкая ледяная крошка впивалась в потрепанные, давно протертые подошвы ботинок. Идти было неприятно. И все же, впереди еще было несколько пролетов.

Борис и не заметил, что они уже снова идут, размеренно переставляя ноги на неровных, разновысоких ступенях. Их вырубали постепенно, по мере того, как слежавшийся, утрамбованный снег покрывал поверхность. И постепенно поверхность превращалась в подземелье, а они поливали её водой, формируя лестницу. На это уходило уйма времени, но времени у них оказалось предостаточно. Вот и сейчас казалось, что время еще есть, что идти еще долго, что лестница бесконечная. Но вот уже впереди и сверху появился сначала слабый, но потом все более явный свет, с каким-то мягким, апельсиновым отливом. Закат.

Они подошли к самой двери и Шукин, который давая отдых рукам, нес автомат по-драгунски, повесив на шею, сейчас перебросил его через плечо.

– Ну что, дядя Боря, – сказал он, улыбаясь. – Пришли.

Он потянул на себя дверь и вышел наружу. Точнее попытался это сделать – как только его голова оказалась за дверью, мимо нее пронеслась невнятная тень и тело его дернулось,

как от электрического удара. Ничего не понимающий Широков хотел подойти поближе, но тут послышался такой страшный грохот, как будто где-то совсем рядом волокли тяжеленный железный шкаф по такому же, гулко дребезжащему полу. И тут же в проеме полуоткрытой двери показалась громадная и белая, с пятью острыми, загнутыми крюками когтями лапа. Лапа по-хозяйски сгребла Щукина и рывком вытащила его наружу. Широков, оцепенев, замер у стены. Когда он снова смог дышать, то услышал, как где-то неподалеку скрипит снег. Звук становился все тише и он понял, что медведь уходит. Но все стоял и стоял, стараясь ни шевелиться, ни дышать, и даже, по возможности, не пахнуть.

Первое, что он увидел, отлепившись, наконец, от стены, это лежащий прямо перед ним автомат. Борис тупо уставился на него, еще не до конца понимая, что же произошло. Потом осторожно, шагками, подобрался к выходу и, поглядывая по сторонам, выглянул наружу. Справа от выхода он увидел на снегу какую-то спутанную мочалку, из-под которой по подмерзшему за день снегу расплывалась небольшое алое пятно. Чуть поодаль лежала знакомая линялая шапка Щукина, а широкая, как автострада, вся в красных пятнах перепаханного снега полоса не оставляла сомнений в судьбе её владельца. Щукина больше нет.

Борис осмотрелся. Следов медведя нигде не было видно, и только покрутившись у входа он обнаружил их сверху, прямо над входом. Ну конечно. Это же лунка.

Он вернулся внутрь и подобрал с пола автомат. Снял магазин – пусто. Оттянул на себя затвор и из него тут же вылетел один единственный патрон, звонко покотившись по замороженному полу. Он подобрал его, сунул в карман, и, прихватив автомат, снова вышел наружу. Нужно было думать, и думать быстро. Присмотревшись, он вдруг понял, что это за мочалка. Первым ударом медведь снял с него скальп, возможно, с частью черепа. Это значит, что несколько дней, возможно неделю медведь будет сыт, пока снова не придет к знакомой лунке, где водятся такие глупые нерпы. У него есть один патрон. И автомат. А снизу, наверное, уже поднимаются охотники.

Широков последний раз оглядел провал входа, красную полосу, теряющуюся в быстро наступающих сумерках и решил. Он снял шапку и, взяв взамен откатившеюся в сторону ушанку Шукина, подсунул свою прямо под лежащий на снегу скальп. Бросив взгляд на заходящее солнце, он повернулся на юго-запад, стараясь определить азимут в 206 градусов.

– Во цай джэли, вашу мать, – буркнул Борис и, натянув пониже маловатую ему ушанку Шукина, тронулся в путь.